

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ОСТРОВ КОШМАРОВ

•

ТОМАГАВКИ И АЛМАЗЫ

Москва

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

В коллаже на обложке использована работа
художника *Владимира Нартова*

Бушков, Александр Александрович.
Б94 Томагавки и алмазы : четвертая книга популярно-
го книжного сериала «Остров кошмаров» / Александр
Бушков. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Бушков.
Непознанное).

ISBN 978-5-04-113870-7

Вопреки широко распространенному мнению, снятие скальпов — вовсе не индейская придумка. Широкий размах этой, так сказать, процедуре, дали колонизаторы из Англии. Скальп служил средством строгой отчетности и своеобразной квитанцией на получение денег. В 1720 году за каждый скальп платили до ста фунтов.

Англичане, обосновавшиеся в Америке, видели в индейцах не людей, а зверей, по чистому недоразумению обитающих на землях, предназначенных белому человеку. На эту тему в колониях даже вышло несколько теоретических работ, рисовавших индейцев как животных, очистить от которых землю — богоугодное дело. И очищали...

Таковы истоки консервативной британской морали.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-113870-7

© Бушков А. А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Политика есть концентриро-
ванное выражение экономики

В. И. Ленин

УМНОЕ СЛОВО ОТ АВТОРА

В первой книге второй трилогии об истории Англии (точнее говоря, ее разбойной истории) я должен решительным образом, высокопарно выражаясь, изменить творческий метод. Не по своему хотению или капризу — сама История заставила...

Прежде метод был совершенно другим — рассказывать о правлении того или иного монарха, одного за другим, перечисляя события, произошедшие за время его правления. Теперь от этого придется решительно отказаться. По весьма важной и существенной причине: слово «царствование» остается, а вот «правление» следует решительно исключить. Потому что, уже начиная с последних десятилетий XVII в., английские монархи царствовали, но не правили. Они лишь, если можно так выразиться, механически штамповали парламентские акты, а немного погодя и решения правительства. Английским монархам запрещалось даже посещать парламент — каковая традиция соблюдается и по сей день.

И прежде в европейской истории не раз случалось, что сильный и волевой государственный деятель, «могучий ум при слабом короле», фактически брал на себя управление государством (кардиналы Ришелье и Мазарини, Николя Фуке, Потемкин, впоследствии — Бисмарк) или, по крайней мере, финансами (Кольбер, Тюр-

го, Неккер). Однако это не носило характера системы и всегда было чистой воды случайностью. Еще и оттого, что подобный сильный министр всецело зависел от воли короля, остававшегося абсолютным монархом. И король в любой момент мог низвергнуть некоронованного владыку страны в грязь (история Людовика Четырнадцатого и Николя Фуке).

Англичане первыми в европейской истории как раз и создали систему — когда монарх оставался коронованной куклой на троне (о чем прекрасно знал), а решительно всем управляли олигархи, элита — сначала посредством парламента, а в начале XVIII в. — и правительства, представлявшего одну из двух политических партий (о их становлении я уже писал подробно в предшествующей книге). Система была безупречно отлажена и работала, как часовой механизм. Даже когда на троне оказался совершеннейший безумец Георг Третий, ни малейшего влияния на жизнь государства это не оказало, ничему не помешало и ничего не испортило на протяжении многих десятилетий.

Точности ради нужно упомянуть, что порой английские монархи все же вмешивались в государственные дела, иногда очень важные и серьезные, — но это происходило так редко, что смотрелось экзотическим исключением, а исключения, как известно, лишь подтверждают правило. Монархам оставался лишь подобающий почет — и не более того (кстати, безвозвратно ушли в прошлое и времена фаворитов — в условиях Системы они просто-напросто не могли появиться).

Система — опять-таки порождение чисто английской специфики, не имевшей аналогов на континенте. Сложилось так, что к началу XVIII в. окончательно перестали существовать как класс два когда-то крупнейших

сословия английского общества: «свободные» крестьяне, то есть обладавшие порой небольшим, но собственным участком земли, и малоземельные мелкие помещики-джентри. Практически все английские крестьяне стали арендаторами земли у крупных лендлордов и сквайров, в чьи руки и перешел «земельный фонд».

А это было очень незавидное положение, знаете ли. Никакой уверенности в завтрашнем дне у такого арендатора не было и быть не могло. Он мог прожить на своей ферме сто, двести лет, со времен дедов-прадедов, — но если владелец земли по каким-то своим соображениям хотел именно от этого арендатора избавиться, официальным образом предписывал ему собрать пожитки, забрать семью и покинуть ферму. Протестовать или обжаловать это в суде было невозможно — таковы уж были тогдашние (и более поздние) английские законы. Частная собственность священна — и точка. Вот крестьянская семья, собрав то, что принадлежало им лично, и уходила в совершеннейшую неизвестность. Наиболее ярко подобный случай описан в романе классика английской литературы Томаса Гарди «Тэсс из рода д'Эрбервиллей».

Мало того. В начале XVIII в. английские крестьяне были свободны только на словах. У нас часто (и справедливо) поминают недобрым словом указ Петра Первого «О крепости крестьянской», окончательно закрепостивший крестьян и превративший их в живое имущество помещиков. Вот только в то же самое время в Великой Британии действовал так называемый *Act of Settlement*, по которому крестьянам (и сельским ремесленникам) прямо запрещалось менять место жительства. Основной низшей административно-территориальной единицей Англии был приход (ближайшая аналогия — русский уезд). Согласно вышеупомянутому закону, никто не

имел права поселиться в другом приходе, не в том, где родился, под страхом «ареста и бесчестия». Ну а для того, чтобы поехать в город, крестьянину требовалась «лицензия» (письменное разрешение). А так — внешне все благолепно. Вдоль дорог уже не стоят виселицы, никому уже не рубят руки и не режут уши...

Да что там восемнадцатый век... Забежим чуточку вперед. В 1820 г. герцогиня Элизабет Сазерленд и ее муж маркиз Стаффорд на совершенно законных основаниях владели не просто огромными поместьями — целым графством Сазерленд площадью 5,3 тысячи кв. км. И однажды (мотивы и соображения дамочки мне неизвестны) она пожелала очистить свои земли от «мужичья». И три тысячи многодетных семейств, живших там столетиями, покорно ушли в неизвестность. Закон. Частная собственность. Суд, полиция, армия...

Конечно, помянутые мелкие помещики оказались в лучшем положении. Их никто не гнал взашей, не отбирал именья. Сохранилось множество небольших усадеб (ярко и любовно описанных Чарльзом Диккенсом), порой даже с охотничьими угодьями. Но большая часть земель перешла в руки тогдашних олигархов. А то, что осталось мелкоте, никакой роли в экономике уже не играло.

Еще одна специфически английская черта сложившейся системы. В отличие от европейской аристократии, главный доход получавшей с сельского хозяйства, для английской высшей знати принадлежащие им громадные поместья стояли на десятом месте. Главные доходы они получали от другого — тогдашней промышленности, всевозможных торговых предприятий и компаний, банковского дела (иногда и добычи полезных ископаемых). Что ни говори, а это был прогресс по сравнению

с европейскими обычаями, там и сям остававшимися на уровне Средневековья. Высшая английская титулованная знать сплошь и рядом была в то время пайщиками торговых домов и торговых компаний, банкирами, владельцами тогдашней промышленности. А также и акционерами компании, на широкую ногу занимавшихся работоторговлей, — что считалось вполне приличным занятием для британского джентльмена.

Вот так и сложилась система — хорошо организованная власть олигархии, сохранявшая монарха на троне исключительно приличия ради. В те времена сильному и влиятельному государству было просто неприлично жить без короля и придворных церемоний. Да и маленькому, впрочем, тоже — несколько сотен германских государств, от больших до крохотных, прямо-таки кишели титулованными владельцами. Немногочисленные тогдашние республики, которые можно по пальцам пересчитать, были скорее географическими курьезами, иные, вроде крохотулек Андорры и Сан-Марино, — и вовсе уж экзотами...

Именно потому, что в Великой Британии и сложилась система, способная превосходно справляться с государственными и прочими делами и без короля, способ повествования я изменил. Сначала кратенько расскажу о четырех королях Георгах из германской династии Ганноверов, правив... тьфу ты черт! — царствовавших в Великой Британии с 1714 по 1830 год, а уж потом перейду к обстоятельному рассказу о жизни и деятельности Великой Британии на протяжении восемнадцатого века. Думаю, читателю это будет небезынтересно: если о Георге Третьем еще с грехом пополам помнят (и то прилежные читатели Валентина Пикуля), то трех прочих Георгов забыли прочно. В какой-то степени это и спра-

ЧЕТЫРЕ ГЕОРГА ЧЕРЕДОЙ

ведливо, за редчайшими исключениями, мало-мальски выдающегося за ними не числится, довольно бесцветные были личности. Но коли уж я взялся написать подробную историю Англии (разбойную!) со времен древних римлян и до дня вчерашнего, никак не могу пропустить четырех королей, в общей сложности восседавших на троне Великой Британии сто шестнадцать лет...

ЧЕТЫРЕ ГЕОРГА ЧЕРЕДОЙ

НОМЕР ПЕРВЫЙ

Итак, в 1714 г. королева Анна умерла. Называя вещи своими именами — пала в неравной борьбе с голландскими пряниками и прочими вкусностями. Династия Стюартов пресеклась окончательно.

Что не вызвало ни малейшего замешательства или переполоха. Как читатель должен помнить из предыдущей книги, на такой случай давным-давно был принят парламентский акт о престолонаследии, по которому престол переходил к супруге курфюрста (князя) Ганновера, внучке Иакова Первого и, соответственно, двоюродной тетке королев Марии и Анны.

В английской истории не раз случалось, что акты о престолонаследии, самым тщательным образом проработанные и не допускавшие двойного толкования, тем не менее оказывались, простите за вульгарность, похерены. Потому что, как чертик из коробочки, объявлялся какой-нибудь честолюбивый претендент, опиравшийся не на бумагу с государственными печатями, а на изрядное количество вооруженного до зубов электората. Однако эти веселые времена безвозвратно ушли в прошлое. Системе в первую очередь требовалось одно: внутренняя

стабильность, от которой ее прибыли и зависели. А потому всё было строго по закону. Правда, одно подпортило картину: София умерла за несколько месяцев до кончины королевы Анны. Но это, в конце концов, препятствием не стало: живехонек-здоровехонек был ее сын Георг, курфюрст ганноверский, подходивший по всем статьям: во-первых, человек с толикой крови Стюартов, во-вторых, в отличие от всех прочих Стюартов, добрый протестант. Вот к нему с предложением занять осиротевший британский трон и отплыла в Германию депутация благородных английских лордов.

Тогдашняя Германия была, смело можно сказать, европейским экзотом. Поскольку состояла примерно из 350 (это не опечатка) суверенных и вольных держав, государств без кавычек и «государств» в кавычках. Были довольно крупные и сильные королевства — Пруссия, Саксония, Бавария. Было некоторое количество герцогств и княжеств, тоже довольно сильных и игравших серьезную роль в германских делах. Но было еще огромное количество вовсе уж микроскопических «державочек» — у иного мелкого русского помещика поместья были поболее. Были епископства, подчинявшиеся Ватикану чисто теоретически. А еще — вольные города, а также немало таких, которых так и тянет назвать нищегородами — одиночек-рыцарей, чье достояние заключалось лишь в длиннющем титуле, обветшавшем старинном замке и паре деревушек (да и то не у каждого). Теоретически весь этот цыганский табор подчинялся императору Священной Римской империи, а на практике любой, даже самый задрипанный рыцарь спесиво задирает нос и гордо объявляет себя суверенным и независимым. У императора не было серьезных возможностей воздействовать на эту разгульную публику — он

был не наследственным, а выборным и всецело зависел от электоров, то есть выборщиков, властителей самых крупных германских земель. А они всю эту суверенную мелюзгу в обиду не давали, исходя из простого принципа: сегодня урежут вольности мелкоте, а завтра, чего доброго, возьмутся и за людей посолиднее... Рассуждение, в общем, логичное.

Тяжелее всего жилось подданным как раз «держав»-крохотулек. Тамошние властители отнюдь не собирались питаться сухой корочкой, ходить в камзоле с продранными локтями и жить в халупах. Изю всех сил стремились не уступить в роскоши «большим» — а потому драли с совершенно бесправных подданных три шкуры, особенно с крестьян (в Германии тогда еще существовало крепостное право, ничем не уступавшее российскому). Ту же самую картину можно было наблюдать и в нашем богоспасаемом (хочется верить) Отечестве — какой-нибудь мелкий помещик с парой-тройкой деревенек тиранствовал и выжимал деньги в сто раз усерднее, чем вельможа, владелец многих тысяч «душ» и поместий, превосходивших по размерам иные европейские государства...

Что собой представляли тогдашние германские «крохотульки», ярко описал классик английской литературы У.М. Теккере́й. Ему и слово. Возможно, кто-то меня и упрекнет за чересчур обширное цитирование, ну, надеюсь, найдутся и те, кому это будет интересно.

«Каждый немецкий князь стремился подражать французскому королю, каждый заводил себе свой Версаль, Вильгельмсхое или Людвигслуст, окружал себя пышным двором; разбивал сады со статуями, строил фонтаны с бассейнами и тритонами; каждый имел собственную труппу актеров, танцовщиков, певцов, музыкантов;

каждый содержал свой гарем и его обитательниц одаривал драгоценностями и землями; каждый устраивал у себя грандиозные праздники с картами, маскарадами, турнирами и пирами по неделям; и за все это платили простые люди — деньгами, если они у них были, а если нет — телами и самой кровью своей, так как господа и повелители без всякого зазрения торговали своими подданными, за игорным столом ставили полк солдат на красное или черное; бриллиантовое ожерелье для какой-нибудь дивы покупали за батальон — словом, пользовались народом, как разменной монетой».

Никаких преувеличений здесь нет. Солдат (крепостных) ставили на кон за игорным столом, променивали на драгоценности и другие ценные вещи. Известен случай, когда один из прусских королей выменял на полк солдат несколько больших, великолепных китайских ваз (китайский фарфор в Европе очень ценился, а своего делать еще не умели). Наконец, самым натуральным образом за хорошие деньги продавали солдат за границу, тому, кто вел какую-нибудь войну. Отец Георга Ганноверского, когда Венеция воевала в Греции, продал венецианцам 6700 своих подданных — правда, не насовсем, а «во временное пользование». Что положения бедолаг ничуть не облегчило — когда война кончилась, домой вернулись только 1400 человек...

Вновь Теккерей: «Если представить себе по мемуарам Европу в начале прошлого (т. е. XVIII столетия. — А.Б.), картина получится ужасающая: нищие, ограбленные, опустошенные земли, сожженные крестьянские хижины и их запуганные обитатели, собирающие жалкую жатву; они же, согнанные в кучи и штыками загоняемые в казармы или бредущие по дорогам под водительством капрала с палкой или плеткой-девятихвосткой в руке».